

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58

Дата поступления: 02.10.2022
рецензирования: 06.11.2022
принятия: 06.12.2022

О.А. Журавлева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Принцип историзма как аспект романного мышления

Аннотация: статья посвящена особенностям реализации принципа историзма в европейской литературе в эпоху модерна. Интеллектуальное поле рубежа XVIII–XIX вв. характеризуется зарождением так называемого «чувства истории», интенсивной трансформацией отношений прошлого и настоящего, оформлением новой исторической концепции, включающей идеи отсутствия единой формулы хода истории, прогресса и линейной концепции времени, принципиальной историзацией представлений о человеке, обществе, культуре, становлением философии истории и исторической науки. Центральным философским понятием в эпоху романтизма является идея развития, при этом открытость изменениям рассматривается в качестве сущностной характеристики как человеческой личности, так и исторического процесса. Опираясь на представления о прошлом как об автономном и инаковом по отношению к настоящему, принцип историзма выдвигает требование познавать прошлое в его собственных категориях. В этой связи рассматривается исследовательская функция романа, который оказывается наиболее подходящей для экспериментов по реконструкции быта и нравов исторической эпохи формой. Ориентированный на незавершенную действительность, роман изображает историческую эпоху как незамкнутую, но находящуюся в тесной связи с современностью. Отдельное внимание уделяется проблеме мимесиса в романе и историографическом жанре.

Ключевые слова: модерн; история; исторический роман; романтизм; М.М. Бахтин; У. Годвин.

Цитирование: Журавлева О.А. Принцип историзма как аспект романного мышления // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 53–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Журавлева О.А., 2022 – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.A. Zhuravleva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Historicism as an aspect of novel thinking

Abstract: the article deals with the peculiarities of implementing the historicism principle in modern European literature. Intellectual field at the turn of the 18th-19th centuries is characterized by the emergence of the so-called "sense of history", the intensive transformation of the past - present relationship, the formation of a new historical concept, arguing that there is no universal formula for the historical process, progress and the time linear concept, the fundamental historicization of ideas about human, society, culture, the formation of the philosophy of history and historical science. In the romanticism period the idea of development is the central philosophical concept, while openness to changes is considered as an essential feature of both the human personality and the historical process. Based on the idea of the past as autonomous and different from the present, the historicism principle puts forward the requirement to learn the past in its own categories. In this regard, the novel research function is considered, that turns out to be the most appropriate form for experiments in the reconstruction of the life and customs of the historical period. Focused on unfinished reality, the

novel portrays the historical period as not closed, but in close relation to the present. Special attention is paid to the mimesis problem in the novel and historiographical genre.

Key words: modern; history; historical novel; romanticism; M.M. Bakhtin; W. Godwin.

Citation: Zhuravleva, O.A. (2022), Historicism as an aspect of novel thinking, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 53–58, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zhuravleva O.A., 2022 – postgraduate student of the Russian and Foreign Literature and Public Relations department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Эпоха модерна отмечена закономерной трансформацией исторического мышления и ростом интереса к историческому прошлому, понимание которого в качестве отделенной от современности эпохи складывается к XVIII в. В начале XIX в. на смену рационалистическим и метафизическим концепциям приходят идеи исторической закономерности, формируется представление о динамике исторического процесса. История, по выражению Г. Лукача, становится «массовым переживанием». Полемика о сравнительных достоинствах античности и современности, тянувшаяся с первой трети XVII в. до начала XIX в. и нашедшая наиболее яркое воплощение в «Споре древних и новых» во Франции, но также выразившаяся в локальных эстетических дискуссиях в Италии, Германии, Британии, России, Польше, свидетельствует о том, что прошлое получило наконец свою историческую огранку: в историческом времени обнаружилось некоторые разрывы, история перестала восприниматься в качестве непрерывного линейного процесса. Вместе с тем рост автономии личности, зарождение демократических общественных институтов, развитие науки и распространение буржуазных отношений стали мощным толчком к трансформации европейского мировоззрения и, как следствие, способствовали перестройке всей жанровой системы европейской литературы в XVIII–XIX вв.

В период с 1789 по 1814 гг. ряд европейских государств переживает политический и культурный подъем, в связи с чем обостряется интерес к национальному прошлому. Интерес романтизма к индивиду на более масштабном уровне проявился в интересе к нации как частной, специфической представительнице человечества. К началу XIX столетия в европейской культуре практически повсеместно складывается такая ситуация, которая позволяет проблеме осмысления национального исторического прошлого выйти на первый план.

Ход исследования

В научном мышлении конца XVIII – начала XIX вв. важное место занимает принцип историзма, рассматривающий явления действительности как изменяющиеся во времени, развивающиеся.

В самом общем смысле историзм означает «принципиальную историзацию нашего мышления о человеке, его культуре и его ценностях» (Трельч 1994, с. 82). Как указывает Ф. Мейнеке, «Возникновение историзма было одной из величайших духовных революций, пережитых европейской мыслью» (Мейнеке 2004, с. 5). Оно совпало с масштабными процессами демократизации и секуляризации европейского мировоззрения, отмиранием и трансформацией традиционных форм жизни, рождением субъектности и появлением новой современной концепции человека. Историзм так или иначе затронул все основные отрасли философского знания, однако особое влияние оказал на философию истории и культуры (Ф. Гельдерлин, А. и Ф. Шлегели, Новалис, А. Мюллер и др.), которая стала пониматься в качестве «крупномасштабного, универсального обозрения исторического процесса, дополняющего эмпиризм событийных хроник» (Новая философская энциклопедия). В контексте немецкого романтизма историческая наука оформляется в качестве специальной дисциплины, происходит профессионализация исторического знания (работы Л. фон Ранке, Б. Нибура, Т. Моммзена, Я. Буркхардта и др.) (Филатов и др., с. 150). Историзм, подразумевавший принципиальную историзацию мышления о человеке и культуре, не стал открытием романтиков, но был узаконен преимущественно ими, стал своеобразным нервом романтической эпохи, сделавшей его обязательным для последующих поколений. По мнению Н.Я. Берковского, именно романтики – «призванные, убежденные историки, историки культуры, историки искусств, историки литературы» (Берковский 2001, с. 49).

Отношение современности к прошлому значительно колебалось на протяжении XVII–XIX вв. в зависимости от представлений об общественном и художественном идеалах. Так, социальный идеал в эпоху Просвещения понимался как вневременный и универсальный, из чего вытекала идея революционного преобразования общества, предполагающая возможность и даже необходимость радикального разрыва с прошлым и отрицание ценности традиции. Для немецкого романтизма и «консервативного историзма», напротив,

характерно осознание преемственности настоящего по отношению к прошлому: «утверждение принципа историзма в немецком романтизме меняет сам способ видения исторических явлений и событий, выявляет значимость прошлого для настоящего» (Демин, с. 9). Прошлое, в эпоху модерна впервые воспринятое как принципиально не сводимое к настоящему, получает возможность быть изученным как иное и самобытное. В то время как классическая эпоха сосредоточена на дистанцированном и замкнутом ценностном прошлом, модерн ориентирован на реальное прошлое, связанное с настоящим непрерывными временными переходами. Таким образом, принцип историзма выдвигает требование, попытка удовлетворить которому поспособствует рождению жанра исторического романа: познавать прошлое в его собственных категориях. Такое открытие нетождественности исторических эпох на рубеже XVIII–XIX вв. происходит параллельно с усложнением представления о человеческой личности, которая теперь понимается как автономная, уникальная и развивающаяся, то есть не соответствующая готовому характеру и в каждый момент времени не равная себе. Схожую идею выдвигает М.И. Стеблин-Каменский, определяющий историзм как «гипотезу нетождества», то есть предположение, что психология средневекового человека не совпадает с психологией современного человека. Таким образом, историзм появляется не тогда, когда замечаются разница в образе жизни, быте и т.п., а тогда, когда осознаются отличия в человеческом сознании (Стеблин-Каменский 2003).

В отечественном литературоведении историзм зачастую понимается достаточно широко, буквально как синоним реализма, и выступает в качестве мерила художественной ценности произведения. Так, в Литературной энциклопедии терминов и понятий в статье В.В. Кожинова историзм определяется как «художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита» и «выступает как неотъемлемое свойство любого подлинно художественного произведения, ибо историзм есть прежде всего способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах» (Кожинов 2001, с. 321). Здесь, с одной стороны, категория поэтики подменяется идеологической категорией, с другой стороны, происходит необоснованное размытие понятия, т.к. если историзм присущ всем «подлинно художественным произведениям», то он перестает быть уникальным открытием романтической эпохи и может быть обнаружен как в античной литературе, так и в постмодернистской, поскольку каждое литературное произведе-

ние в той или иной степени является производным эпохи и эту эпоху отражает. Далее в статье замечается, что хотя историзм и присутствует в любом подлинно художественном произведении, начиная с древнейших эпопей, но в то же время этот историзм как бы не вполне полноценный. В связи с этим предлагается понимание историзма как признака исключительно исторического жанра, который впервые формируется в творчестве В. Скотта: «После Скотта начинается интенсивное развитие действительно исторической литературы; создаются исторические повествования Пушкина, Мериме, Гоголя и др., действительно воссоздавших прошлое и в его историческом содержании, и в его неповторимом облике» (Кожинов 2001, с. 323). Нам такой неспецифический и противоречивый подход к определению историзма представляется неверным. Мы считаем, что подлинный историзм в литературе зарождается тогда, когда литература начинает осмыслять его как собственную категорию поэтики, в соответствии с которой трансформируются композиция, система образов, речевые формы, хронотоп и другие элементы структуры и изменяются сами принципы построения художественного текста. В европейской литературе условия для этого складываются к началу XIX в. на фоне распространения представлений о действительности как о становящейся, открытой трансформациям, а не раз и навсегда заданной.

Идея незавершенности, связанная с усложнившимся пониманием человеческой личности и окружающего мира, обновляет представление об историческом процессе. История больше не органическая ненарушенная длительность, направленная к своему телосу в необратимой последовательности стадий, как она представлялась средневековому человеку; в ней обнаруживаются периоды расцвета и упадка, подразумевающие наличие радикальных всеохватывающих трансформаций, порывающих с прошлым и способствующих выделению отдельных ценностно независимых эпох. Новое время выстраивает свою идентичность прежде всего на противопоставлении себя предшествующим историческим периодам, и модерн как «незавершенный проект» (Хабермас) подразумевает оппозицию живой неготовой современности утратившему актуальность прошлому (само понятие «moderni» призвано отделить самопонимание эпохи от ее прошлого – «antiqui»).

Самое живое и новое (modern) в литературе XVIII–XIX в. – это, вне сомнения, роман. Самый жанр в эпоху Просвещения был актуализирован как новость: его расцвет обозначал в тот период эстетическое приятие повествования без ощутимой дистанции, повествования о новой, современной жизни. В то время как высокие жанры

не могли допустить, чтобы современность стала легитимным объектом изображения, роман весь был направлен на незамкнутую становящуюся действительность. Поле для романа и романизованных форм, таких как роман в стихах или драма для чтения, открывается именно в тот момент, когда мир приходит в движение и чувство незавершенности становится жизненным чувством. Европейский роман осознает свою внутреннюю меру, приходит к себе, когда само понятие «современность» начинает активно осмысляться; благодаря своей пластичной и синтетической природе он – единственная по-настоящему со-временная среди литературных форм, непосредственно работающая с действительностью. По этим причинам прошлое, становясь объектом изображения в романе, даже познаваемое в своих собственных категориях, как бы размыкает пространство исторической эпохи и обнаруживает многочисленные связи с настоящим. Не случайно исторический роман в его вальтерскоттовском варианте среди прочих вбирает в себя жанр романа воспитания, сосредоточенного на становлении личности и своим происхождением обязанного романтической концепции *Bildung*, постулирующей незавершенность картины мира.

Важным для литературы результатом изменения понимания истории и отношения к ней становится то, что романист получает возможность подходить к прошлому как историк-исследователь, т.е. не только лишь воссоздавать особые приметы эпохи, но и реконструировать особый тип исторического сознания. Как справедливо замечает Кожин, «Проблема историзма приобретает особый характер, когда речь идет об историческом жанре, то есть о романе, поэме, драме и т.д., в которых ставится цель воссоздать человеческую жизнь прошедших времен. В этом случае писатель неизбежно сталкивается с требованиями историзма и сознательно стремится их осуществить» (Кожин 2001, с. 321). Роман благодаря своей пластичности и неконвенциональности становится наиболее подходящей для экспериментов по реконструкции быта и нравов другой эпохи формой. На рубеже XVIII–XIX вв. исследовательская функция романа, нацеленная на описание нравов современников, распространяется на новую область – историческое прошлое, а сам роман как бы становится одним из жанров исторического исследования. В 1797 г. Уильям Годвин так аргументирует преимущества романа (*romance*) перед историографией: «Роман, при строгом рассмотрении, может быть объявлен одним из видов истории. Разница между романом и тем, что обычно носит название истории, заключается в следующем. Историк ограничен отдельным случаем и отдельным человеком и должен опираться на свою выдумку или догадку, насколько

ко это возможно. Писатель собирает материалы из всех источников, опыта, отчетов и записей о человеческой деятельности, затем обобщает их и, наконец, выбирает из их элементов и различных комбинаций те примеры, которые он лучше всего умеет изобразить и которые, по его мнению, наиболее подходят для того, чтобы произвести впечатление на слушателя и увеличить знания читателя. С этой точки зрения мы склонны заявить, что роман был более смелым видом сочинения, чем история» (Godwin 1797).

Годвин утверждает, что роман как тип письма обладает большим потенциалом в изображении человека и действительности, чем историография, и указывает на определенную субъективность исторического жанра, полагая, что «читатель впадает в жалкое заблуждение, если, читая историю, позволит себе вообразить, что читает факты» (Godwin 1797). По мнению философа, беллетризация истории – это более результативный способ создания нарратива о том, что по существу своему непознаваемо, поскольку способность романиста к обобщению позволяет ему сообщать нечто более глубокое нежели историк, «ограниченный отдельным случаем». Позиция Годвина опирается на устойчивое в европейской культуре представление о том, что поэт, обладая творческой свободой, способен быть более правдивым и выражать в своем творчестве нечто более жизненное, чем историк, который занимается почти механическим воспроизведением действительности. Такой взгляд на роль поэта можно найти уже в философии Платона и Аристотеля, он был предметом активных литературных дискуссий в Англии, начиная с XVI в. (см., например, «Защита поэзии» сэра Филипа Сиднея (1592)), и получил особое распространение с приходом романтизма.

Итак, роман перед историографическими жанрами имеет то преимущество, что его автор с помощью творческой обработки фактического материала (вымысла) способен наиболее полно постичь историческую действительность и формируемый ею характер. Вымысел, поскольку связан с упорядочиванием элементов реальности, способствует более глубокому постижению смысла исторических событий и придает им большую достоверность в рамках художественного целого произведения, тем самым создавая жизненный облик эпохи и нации. «Настоящая история», – замечает Годвин, – «состоит в том, чтобы обрисовать последовательный, человеческий характер, показать, как действует такой характер при сменяющихся друг друга обстоятельствах, показать, как характер развивается и ассимилирует новые субстанции, и как он распадается посредством катастрофы, в которую он естественным образом ввергается под действием собственной гравита-

ции» (Godwin 1797). Похожую мысль встречаем у Белинского: «Когда мы читаем исторический роман Вальтера Скотта, то как бы делаемся сами современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершается событие романа, и получаем о них, в форме живого созерцания, более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история» (Белинский 1976, с. 42). С этой точки зрения роман оказывается миметичнее историографии, поскольку следует по пути исследования не разрозненных фактов, но их первопричин и связей между отдельными событиями, и не описывает характеры, но создает сложные человеческие образы в их динамике. Соединение фактического материала с вымыслом позволяет роману достичь известной целостности воссоздаваемой исторической эпохи. Проблема мимесиса, обозначившаяся еще в XVIII в., будет решаться европейской литературой в том числе в рамках жанра исторического романа и – особенно – романа В. Скотта.

Заключение

Поворот европейской мысли к интенсивному философскому осмыслению исторического процесса выступил той идеологической базой, на которой сформировались основные принципы художественного понимания и изображения истории. Среди всех литературных жанров, выступающих в качестве формы познания мира, особо выделяется роман с его выраженной познавательной сущностью и направленностью на динамические явления действительности. Одной из первых романизированных форм, в которой воплотилось новое чувство истории и проявился исторический аспект романного мышления, становится исторический роман, который с помощью определенных художественных средств свидетельствует об исторической реальности. Этот жанр стоит на пути нащупывания литературой нового художественного языка, позволяющего экстенсивно отобразить всеобщую связь явлений, отношения между человеком, обществом и миром в их движении и развитии. Прошлое, становясь предметом изображения в историческом романе, отличается конкретностью, оно конструируется не столько через внешние атрибуты, такие как костюм или декорация, сколько через жизненные перипетии героя в их связи с меняющейся эпохой, отношения между героями и между героем и миром, таким образом углубляя понимание истории и вырабатывая средства для создания ее целостного художественного образа.

Библиографический список

Godwin, W. (1797), Of history and romance, *The Anarchist Library*, [Online], available at:

<https://theanarchistlibrary.org/library/william-godwin-of-history-and-romance> (Accessed 20 August 2022).

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. Москва: Худож. лит., 1976. 799 с.

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. 512 с.

Демин И.В. Принцип историзма в контексте немецкого романтизма // Система ценностей современного общества: Сб. материалов Международн. научно-практич. конференции. Под ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. С. 6–11.

Историзм // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphras.ru/elib/1309.html> (Дата обращения: 20.08.2022).

Кожин В.В. Историзм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва: Интелвак, 2001. С. 321–324.

Мейнеке Ф. Возникновение историзма. Москва: РОССПЭН, 2004. 480 с.

Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 928 с.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. Москва: Юрист, 1994. 720 с.

Филатов В.П., Вышегородцева О.В., Малахов В.С., Смирнова Н.М., Кукарцева М.А. Обсуждаем статьи об историзме // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2. С. 150–162.

References

Godwin, W. (1797), Of history and romance, *The Anarchist Library*, [Online], available at: <https://theanarchistlibrary.org/library/william-godwin-of-history-and-romance> (Accessed 20 August 2022).

Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*, Khudozhstvennaya literatura, Moscow, Russia.

Belinskiy, V.G. (1976), *Poln. sobr. soch.*, vol. 7, Khudozhstvennaya literatura, Moscow, Russia.

Berkovskiy, N.YA. (2001), *Romantizm v Germanii*, Azbuka-klassika, St.-Petersburg, Russia.

Demin, I.V. (2016), Printsip istorizma v kontekste nemetskogo romantizma, Sistema tsennostey sovremenogo obshchestva, *Sbornik materialov Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konferentsii. Pod red. S.S. Chernova*, Izdatel'stvo TSRNS, Novosibirsk, Russia, pp. 6–11.

Istorizm, *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: [Online], available at: <http://iphras.ru/elib/1309.html> (Accessed 20 August 2022).

Kozhinov, V.V. (2001), Istorizm v literature, *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*, Intelvak, Moscow, Russia, pp. 321–324.

- Meyneke, F. (2004), *Vozniknoveniye istorizma*, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Steblyn-Kamenskiy, M.I. (2003), *Trudy po filologii*, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, St.-Petersburg, Russia.
- Trel'ch, E. (1994), *Istorizm i yego problemy*, Yurist, Moscow, Russia.
- Filatov, V.P., Vyshegorodtseva, O.V., Malakhov, V.S., Smirnova, N.M., Kukartseva, M.A. (2007), *Ob-
suzhdayem stat'i ob istorizme*, *Epistemologiya i filofiya nauki*, vol. 12, no. 2, pp. 150–162.

Submitted: 02.10.2022

Revised: 06.11.2022

Accepted: 06.12.2022